

В. И. Новиков

«У врат обители святой»

(Об одном из родных мифов)

Каждое время имеет свою мифологию. Миф — часть жизни, одно из важных средств человеческой ориентации. Особенно многообразен мифологический спектр в эпоху крутых исторических перемен. Для подобных периодов характерны не только новые мифы, но и возрождающиеся старые. Однако такие мифы отличаются повышенной агрессивностью. Входя неслышно, крадучись, «на лапках голубя», они уверенно оседают в сознании, как бы намереваясь поселиться там навечно. Создается иллюзия, что они всегда были и всегда будут — потому что «как же иначе»?

Одним из таких мифов является «миф Троице-Сергиевой лавры» (или просто «миф Троицы»). Современному человеку созвучно высказанное О. П. Флоренским в известной статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия». Мыслитель утверждает «всесторонне жизненное единство Лавры, как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины», ибо «здесь ощутительнее, чем где-либо, пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается как целое» [1, с. 19]. Исторический пафос впечатляет, и с первого взгляда эти слова просто невозможно подвергнуть сомнению. Читая далее, встречаешь определение Троице-Сергиевой лавры как «сердца русской культуры». Флоренский пишет: «Русская иконопись нить своего предания ведет к иконописной лаврской школе. Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра — подлинный исторический музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература, вообще русское просвещение основное свое питание получали всегда от просветительской деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры» [1, с. 21]. Сказано замечательно, но сомнение зарождается... Русская иконопись существовала помимо Троице-Сергиевой лавры (достаточно вспомнить ростово-суздальскую и новгородскую школы, северные письма). А уж русское просвещение никак нельзя возвести только к ученым занятиям троицких монахов. Да и были ли таковые? Ведь ни одного значительного летописного свода не вышло из их келий. Если перебрать крупнейших русских писателей, то приходишь к выводу, что отношение их к Троице-Сергиевой лавре большей частью не совпадало с точкой зрения Флоренского.

Действительно, на протяжении веков не иссякал поток паломников в Троице-Сергиеву лавру. Но прав ли В. Ключевский, когда пишет, что у гроба преподобного Сергия сливались в единый поток все слои русского общества? Что помыслы и чувства этих людей всегда были одни и те же? [2]. Почему в таком случае в числе

паломников не было Пушкина? Почему другой великий русский поэт Блок, проводя каждое лето поблизости в Шахматове, ни разу не удосужился посетить Троице-Сергиеву лавру? Это не помешало ему создать знаменитый цикл «На поле Куликовом», где он пророчески увидел

над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Но опять почему сейчас многим мысль Флоренского оказывается близкой? В семантическом поле современного сознания присутствие Троице-Сергиевой лавры ощутимо. Уже давно никого не удивляет постоянное вещание православной радиостанции, которая называется «Радонеж». То же имя носит и одно из православно-патриотических обществ. Возрождению «мифа Троицы» способствовало широкое празднование 600-летия Куликовской битвы, в связи с которой появилось публикаций, посвященных Сергию Радонежскому [3—5], пожалуй, даже больше, чем о Дмитрии Донском.

Понять причину жизненности мифа — обратиться к его истокам. По словам А. Лосева, «миф есть в словах данная личностная история» [6]. «Миф Троицы» начал формироваться буквально в тот самый день, когда юноша Варфоломей (будущий Сергей в монашестве) со своим старшим братом Стефаном, монахом Хотьковского монастыря, начал рубить церковку в глуши подмосковных лесов. Вот как рассказывает об этом агиограф начала XV века Епифаний Премудрый:

«Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это и полюбили его, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее. И когда была окончательно завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, тогда блаженный юноша сказал Стефану: „Поскольку ты брат мой старший в нашем роде, не только телом старше меня, но и духом, следует мне слушаться тебя как отца; ...скажи мне, во имя какого праздника будет названа церковь эта и во имя какого святого освящать ее“.

В ответ Стефан сказал ему: „Ты сам знаешь не хуже меня, что нужно делать, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: „Будь осторожен, чадо! Не наш ты сын, но Божий дар, потому что Бог избрал тебя, когда еще в утробе мать носила тебя, и было знамение о тебе до рождения твоего, когда ты трижды прокричал на всю церковь в то время, когда пели святую литургию. Так что все люди, стоящие там и слышавшие это, были удивлены и изумлялись, в ужасе говоря: „Кем будет младенец этот?“. Но священник и старцы, святые мужи, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: „Поскольку в чуде с младенцем число три проявилось, это означает, что будет ребенок учеником святой Троицы. И не только сам веровать будет благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в святую Троицу“. Поэтому следует тебе освящать церковь эту во имя святой Троицы. Не наше то измышление, но Божья воля, и предначертание, и выбор, Бог так пожелал. Да будет имя Господа благочестиво вовеки!“»[7].

Приведенный текст требует внимания. Его беллетризованный характер свидетельствует о том, что это уже миф. По разъяснению А. Лосева, «миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово» [6]. В центре этого мифа — Святая Троица; Сергей Радонежский выступал как посланник Святой Троицы. Флоренский писал: «...в порядке раскрытия богословско-философского

сознания — сравнительно поздняя, в XIV веке лишь, установка симметричной Троицной формулы, каковая именно в XIV веке в Восточной Церкви делает идею Троицы предметом особенного внимания и ведет потому к строительству Троицных храмов, развитию Троицной иконографии, созданию цикла Троицных празднеств и новой литургической поэзии» [1, с. 23]. Византия ничего подобного не знала. Все перечисленное принадлежит уже русскому православному сознанию, где идея Троицы становится одним из главных компонентов. Официальный церковный праздник Троицы был установлен значительно позднее — только в начале XVI века — и первоначально был местным храмовым праздником в честь иконы «Троицы» Андрея Рублева.

Поразительный феномен воздействия личности Сергия Радонежского объяснялся тем, что этот любимый народом праведник, смиренный схимник, был одновременно на редкость деятелен. Лесной отшельник, он становится политическим мыслителем, причем свою государственную философию излагает не речью, а деянием. Пешком проделав длительные походы в Нижний Новгород, в Рязань, Сергий Радонежский мирит князей; примером своей жизни он утверждает, что все мы — единый великий народ. Русь, измученная татарским игом, почти утратившая веру в себя, нуждалась в подобной личности. Он родился именно тогда, когда ему необходимо было родиться. Благодаря своему нравственному авторитету Сергий Радонежский стал одним из строителей русского царства.

как поняли идею Троицы на Руси? Свой вариант объяснения дает Г. Гачев: «Бог... не столько как Творец, и даже не как Отец, но как Пантократор, Вседержитель: статуарная внеисторическая космическая мощь. Как Царь — самодержец. Далее: Христос совсем мало чувствуется как Сын Отца, но разве что — как Сын Божьей Матери. Но главное: Он — Царь Небесный и Судия. Основная икона — Спас в силах. Нам Он — Страшный Судия, перед кем лишь Матерь Божия нам заступница, покров и умоляет» [8]. Православная идея Троицы оказалась неразрывно соединенной с идеей русской государственности.

Исторический факт — посещение Дмитрием Донским Сергия Радонежского с просьбой о благословении перед походом против Мамаю — принципиальный компонент «мифа Троицы», без которого он утратит ауру. Здесь возникает процесс, о котором писал Ю. Лотман применительно к петровскому времени: «Бросается в глаза чрезвычайно быстро сложившийся мифологический канон, который не только для последующих поколений, но и в значительной мере для историков превратился в средство кодирования реальных событий эпохи» [9]. Главное в этом мифологическом каноне «глубокое убеждение в полном и совершенном перерождении страны» [9]. Но не следует забывать и обратной связи. Русская церковь нуждалась в сильном национальном государстве не менее, чем московские князья. Стоит процитировать С. Аверинцева: «Учителями русских в вопросах веры были не католики, для которых решающим был опыт выживания церковных структур в условиях отсутствия или бездействия структур государственных, но православные византийцы, как раз ради утверждения своего авторитета как учителей настаивавшие на полной неразделимости церкви и царства» [10, с. 217]. Троице-Сергиев монастырь целые века воспринимался как каменное олицетворение этого единства православия и государства.

«Миф Троицы» послужил своего рода идеологическим обоснованием превращения основанного Сергием Радонежским монастыря в придворный монастырь московских князей, а затем царей. Этот симбиоз был органичным, ибо «православное Царство — необходимый коррелят и как бы полная реализация православной Церкви» [10, с. 218].

Успешное исполнение новой функции требовало, чтобы в истории Троице-Сергиева монастыря отсутствовали мрачные страницы. Это было просто невозможно. Подобно другим обителям, он служил и местом ссылки, а подчас и привилегированной тюрьмой. В его стенах протекли последние дни Максима Грека — одного из крупнейших средневековых мыслителей Восточной Европы, недавно причисленного православной церковью к лику святых. Отпрыск

византийской знати, он провел молодость в Италии; вернувшись на родину, принял постриг на Афоне. В 1515 году Василий III направляет посольство на Афон с просьбой отпустить в Москву ученого инока в качестве «переводчика книжново на время». Более подходящей кандидатуры не нашлось, и Максим Грек отправляется на север в Московию. Он быстро становится общепризнанным авторитетом в кругах московских книжников. Но волею судьбы Максим Грек оказался втянут в борьбу иосифлян и нестяжателей. Некогда слушатель Савонаролы, он поддерживал близких тому по духу нестяжателей; в результате был обвинен в ереси и сослан сначала в Иосифо-Волоколамский монастырь, затем в Отроч монастырь в Твери и, наконец, переведен в Троице-Сергиев монастырь. Просьбы разрешить вернуться на Афон оставались без ответа. Одаренных чужеземцев, по замечанию Карамзина, охотно приглашали в то время на Русь, но очень редко отпускали домой, ибо опасались, что им известно слишком многое из темных сторон русской жизни.

В «Истории о Великом Князе Московском» Андрей Курбский упоминает Троице-Сергиев монастырь именно в связи с судьбою Максима Грека. В марте 1553 года молодой царь Иван IV, едва оправившись после тяжелой болезни, отправляется в Кириллов монастырь, чтобы поклониться мощам святого Кирилла Белозерского. Царь дал такой обет во время недуга и, обретши силы, сразу поспешил исполнить его. По пути царский поезд три дня провел в Троице-Сергиевом монастыре. В один из этих дней произошла знаменательная беседа Ивана IV со славным своей ученостью смиренным иноком. Курбский характеризует собеседника венченосца: «...грек родом, муж zelo мудрый, и не токмо в риторском искусстве мног, но и философ искусен, и уж в letech превосходные старости умашен...» [11, с. 5]. Максим Грек не одобрил решение царя. Длительное путешествие с женой и «новорожденным отрочатком» оторвет правителя от государственных дел. Ему надлежит заботиться о благе своих подданных: таков долг царя перед Богом. Поездки по отдаленным монастырям лишь отвлекут его от исполнения царских обязанностей. Но Иван IV высокомерно не внял мудрому иноку; его не остановило даже пророчество Максима Грека, что младенец не выдержит тягот дороги. Монахи Троице-Сергиева монастыря твердили царю «ехати, да ехати», «ласкающе его и поджигающе», ибо надеялись (ехидно замечает Курбский) «выманити имения к монастырем или богатство многое» [11, с. 6]. Царь действительно заплатил за свой каприз смертью сына. Он возвратился из Кириллова в Москву «во мнозей скорби». Но Троице-Сергиев монастырь обещанное получил. Братия поспешила извлечь выгоду и из широкой посмертной славы Максима Грека, ибо место его погребения привлекало множество паломников (не только никониан, но и старообрядцев, в среде которых Максим Грек особенно почитался).

Смутное время начертало новую страницу в истории древней святыни. Шестнадцать месяцев (с 23 сентября 1608 года по 12 января 1610 года) Троице-Сергиев монастырь выдерживал осаду многоязыкого воинства. Но уже не народная память, а официоз сделал его символом всенародного сопротивления нашествию польских, литовских, шведских и прочих ландскнехтов. Неожиданная смерть молодого воеводы Скопин-Шуйского, в котором народ видел будущего «спасителя Отечества», породила гораздо больше фольклорных текстов, чем подвиг защитников обители. Суровым и героическим дням этого стояния посвящено знаменитое «Сказание Аврамия Палицына» — один из ярчайших историко-публицистических памятников древнерусской литературы. Но взгляды в облик автора.

Аврамий Палицын — келарь (т. е. ведающий хозяйственной частью) Троице-Сергиева монастыря. Он был настоящим сыном своего бурного времени. Личность активная, он деятельно участвовал в интригах вокруг русского престола, последовательно поддерживая Лжедмитрия II, затем Василия Шуйского и, наконец, стал энергичным сторонником воцарения Михаила Романова. Но все это ему не прошло даром. В 1619 году отец молодого царя патриарх Филарет отправил

Аврамия Палицына в ссылку на Соловки; там опальный монах и создал свое «Сказание». Последние семь лет жизни он отдал всецело литературному труду. Надо сказать, что самого Аврамия Палицына в Троице-Сергиевом монастыре во время осады не было; он благополучно отсиживался в Москве. Его красноречивое повествование вовсе не плод собственного опыта, а пересказ свидетельств очевидцев. Но следует подчеркнуть, что именно он окончательно оформил «миф Троицы» в том виде, в каком последний стал неотъемлемой частью официальной идеологии московского самодержавия.

В плену этого мифа были и сами правящие верхи. Молодой Петр I бежал в Троице-Сергиев монастырь при первых же слухах о том, что поддерживающие Софью стрельцы идут на Преображенское. На дороге «из Москвы в Троицу» разыгрался последний акт драмы противоборства честолюбивой сестры с мужающим братом. Надо прямо сказать, что если бы юный Петр не апеллировал к авторитету древней святыни, победа не далась бы ему столь легко. Но тот же Петр нанес роковой, непоправимый удар «мифу Троицы», перенеся столицу далеко — к берегам Балтийского моря.

Строительство «невской столицы» означало в его глазах уход России из Азии в Европу. Однако связь с прошлым разорвать было невозможно. Современникам Санкт-Петербург представлялся преемником не столько Москвы, сколько Новгорода, сокрушенного Москвой. Действительно, устье Невы некогда было в составе новгородских земель. Положение Сергия Радонежского занял другой национальный святой — великий полководец Александр Невский. На месте, где некогда он одержал свою первую великую победу над шведами, царь основал Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, призванный заменить подмосковную обитель в качестве идеологического центра обновленной империи. Следует отметить, что официальной датой основания Санкт-Петербурга является 16 мая 1703 года (т. е. праздник Троицы). Внешне все признаки преемственности налицо; тем не менее с этого времени наблюдается постепенное затухание «мифа Троицы». Правда, переставая быть частью официальной идеологии, миф продолжает жизнь в народном сознании. Здесь можно зафиксировать расхождение официальной и низовой ипостасей мифа, т. е. мифа как части государственной идеологии и мифа как факта личного сознания, чрезвычайно значимого для индивида.

Русская литература «столетия безумно и мудро» фактически игнорирует Троице-Сергиев монастырь (с 1744 года — лавра), несмотря на то что он оставался местом постоянного паломничества. Ни рационалист Ломоносов, ни эпикурействующий вельможа Державин им не интересуются. «Миф Троицы» как бы утратил свою связь с живой русской историей — иначе ничего подобного бы не произошло. Ведь «петь победы русского оружия» было патриотической потребностью отечественных бардов, не говоря уже о прямом «государственном заказе». Даже поэты-москвичи (М. Херасков, В. Майков), много работавшие в сфере «духовной поэзии», словно забыли о главной из местных святынь. Реальные процессы входят в противоречие с тем, о чем писал Флоренский. Только в самом конце века о Троице-Сергиевой лавре вспомнил Н. Карамзин; но он уже глядел на обитель как на памятник прошлого — глазами историка, а не литератора.

В большом очерке «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре» он писал: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особенную прелесть, которой нет в вымыслах. В самом грустном расположении, в котором цветы разума и воображения не веселят нас, человек может еще с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историею; там все говорит о том, что было и чего уже нет!» [12]. Карамзин подробно повествует о своей двухдневной поездке, но о самой Троице-Сергиевой лавре рассказывает поразительно мало. Его умолчание красноречиво; оно свидетельствует о том, что вряд ли Карамзин чувствовал себя здесь у «пульса русской истории» — опять вопреки словам Флоренского. Отметим попутно и очевидное расхождение Карамзина с современными идеологами рус-

ского национализма, которые очень охотно апеллируют к его авторитету. «История государства Российского» многими из них явно прочитана поверхностно. Иначе как примирить их православный фанатизм с масонской молодостью Карамзина?

Выше уже отмечено, что Пушкин в Троице-Сергиевой лавре никогда не был. Красноречивый факт, если принять во внимание широко известные слова, что «Пушкин — наше все». Гениального поэта отличало обостренное чувство истории; вспомним одну только фигуру Пимена в «Борисе Годунове». Очевидно, что «миф Троицы» в сознании его поколения окончательно покрылся патиной времени. Но приведем и другие примеры из жизни выдающихся сынов России прошлого века.

В русской романтической поэзии «миф Троицы» отсутствует. Исключение — дума Рылеева «Дмитрий Донской», но и здесь он — всего лишь дань историческому преданию без всякой связи с современностью. Эхом потомству после посещения шестнадцатилетним Лермонтовым Троице-Сергиевой лавры стало знаменитое стихотворение «Нищий». Юный поэт тогда был влюблен в Сушкову, воспоминаниями которой и воспользуемся: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлую дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег, услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „Пошли вам Бог счастье, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“... Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой (в гостиницу.— В. Н.), чтобы пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, потрянул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи» [13]. Итак, поездка в Троице-Сергиеву лавру породила у гениального юноши только любовное стихотворение.

Надо сказать, что и будущий неистовый славянофил Языков не ощутил здесь прилива поэтического вдохновения. Его поход в Троице-Сергиеву лавру (вместе с Елагиной и Погодиным), совершенный «благополучно и с удовольствием» (как он писал брату), вообще не оставил стихотворного отклика.

Для новых деятелей русской культуры — церковных и нецерковных, верующих и неверующих — «миф Троицы» уже не был родным мифом. Для людей религиозных Троица небесная и Троица земная оказались в разных духовных пространствах. Споры западников славянофилов не нуждались в «мифе Троицы». В религиозно-историческом сознании образованных русских людей и Сергей Радонежский, и Троице-Сергиев монастырь вытеснялись более поздними святынями и новыми святынями. Образовавшийся вакуум заполнили Оптиная пустынь и ее знаменитые старцы, в современных условиях воскресившие подвижничество древних пустынножителей.

Стоит ли удивляться, что Гоголь был в Троице-Сергиевой лавре всего один раз — 1 октября 1851 года. Вообще, это произошло только потому, что из-за очередного приступа ипохондрии его поездка в Оптину пустынь не состоялась (писатель вернулся с дороги). С другой стороны, он явно делал уступку истово религиозной семье Аксаковых, которые не раз доказали ему истинную дружбу. Аксаковы даже купили имение специально вблизи Троице-Сергиевой лавры (знаменитое Абрамцево). Свои настроения Гоголь раскрывает в письме Шевыреву накануне: «Я еду в Троицу с тем, чтобы помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница. Дух мой крайне изнемог, нервы расколеблены сильно» [14]. В Троице-Сергиевой лавре Гоголя провели в духовную академию.

Об этом существуют интересные воспоминания одного из тогдашних студентов В. Крестовоздвиженского: «В послеобеденное время, часа в четыре или пять,

студенты духовной академии пользовались свободным от учебных занятий временем — одни гуляли, другие читали или покоились на диванах и столах, подложив под головы огромные фолианты классиков и отцов церкви. В дверях показались наставник студентов, отец Ф., в сопровождении незнакомца. Студенты встали. Некоторые, видя в незнакомом посетителе знакомые черты, заметили вполголоса: „Это Гоголь!". Отец Ф., подходя к группе студентов, сказал: „Вы, господа, просили меня представить вас Гоголю,— я исполняю ваше желание". Обращаясь потом к дорогому гостю, он прибавил: „Они любят вас и ваши произведения". При такой неожиданности студенты не сказали ни слова. Молчал и Гоголь. Он казался нам скучным и задумчивым» [14]. Как видим, великий писатель и будущие пастыри человеческих душ не питали большого интереса друг к другу.

Крестовоздвиженский продолжает: „Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: „Нам очень приятно видеть вас, Н. В-ч, мы любим и глубоко уважаем ваши произведения". Гоголь, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его духовным воспитанникам: „Благодарю вас, господа, за расположение ваше! Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, служим одному Хозяину... У нас один Хозяин". Начав говорить несколько потупившись, Гоголь произнес последние слова, устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то, но как будто не нашелся и вслед за тем раскланялся с студентами, произнося последнее „прощайте". Только теперь очнулись воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Гоголя; и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов» [14]. Судя по описанной сцене, вряд ли Гоголь ощущал себя в центре соединения «наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний» России.

Другой великий сатирик М. Салтыков-Щедрин провел свои детские годы на ближней окраине Тверской губернии в селе Спас-Угол. Каждый год по пути в Москву и обратно родители будущего писателя обязательно делали остановку в Троице-Сергиевой лавре. Его мать происходила из богатого московского купечества, где традиции старины истово соблюдались. Впервые мальчик попал в Троице-Сергиеву лавру в августе 1831 года, когда ему было всего пять лет. О его впечатлениях можно судить по «Пошехонской старине». Он был напуган толпой нищих в аллее от монастырских ворот до Успенского собора. Салтыков-Щедрин вспоминает: «Никогда я не видел столько физических уродств, столько выставленных наружу, гноящихся язв, как здесь. Я был до такой степени ошеломлен и этим зрелищем, и нестройным хором старческих голосов, что бегом устремился вперед, так что матушка... едва успела догнать меня» [15]. Зато монахи, в большинстве своем молодые, рослые, в шелковых ризах, выглядели щеголеватыми и самодовольными. Они равнодушно отдавали благословение и едва замечали приносимые дары. Но служба поразила детскую душу. Особенно взволновало пение старцев — полное скорби, заунывное. На глазах невольно выступили слезы.

Троице-Сергиева лавра упоминается не только в «Пошехонской старине», но и в «Губернских очерках» и «Господах Головлевых». Этот последний роман представляет собой семейную хронику. «Русский Свифт» не был незлобив в отношении своих близких. Иудушка Головлев — беспощадный портрет его старшего брата Дмитрия, завладевшего большей частью родительского наследства. По отзывам современников, портрет близок к оригиналу и нисколько не утрирует его нравственные изъяны. С годами Д. Салтыков превратился в законченного ханжу и сквалыжника. Он постоянно ездил в Троице-Сергиеву лавру, где надеялся найти очищение от жизненной скверны, в которую был погружен. Невысоко же оценивал великий сатирик духовную атмосферу старинного монастыря!

Негативное отношение Л. Толстого к привилегированной обители в рамках его мировоззрения — религиозного, но антицерковного — вроде бы естественно. Он дважды приезжал в Троице-Сергиеву лавру. Первый приезд датируется 19—20 мая

1856 года. Следует отметить, однако, что тогда еще Толстой не был еретиком, а, наоборот, считал себя истово православным, не позволяя себе усомниться в установлениях церкви. Молодой писатель был полон исторических замыслов. Его прежде всего интересовали монастырские древности. Он не мог равнодушно пройти мимо раки Сергия Радонежского, усыпальницы Годуновых, погребения Максима Грека. Вместе с тем Толстой остро подметил и сословные барьеры, которые именно здесь казались особенно вызывающими. Духовные пастыри были неотличимы от богатых помещиков округи. В дневнике Толстой отмечает: «В церкви раут: Мальцева, Горчаковы, Талызина, простой народ расталкивают солдаты» (19 мая 1856 года). Такие настроения сохранились у писателя и на следующий день. Он подытоживает в том же дневнике свои мысли после посещения святой святы Лавры — монастырской ризницы, где хранились драгоценные вклады царей: «Точно раек показывают» [16].

Следующий раз Толстой посетил Троице-Сергиеву лавру 1 октября 1879 года. Ныне Толстой собирался найти ответы на три вопроса, мучившие его совесть, а именно: отношение церкви к войне; взгляды церкви на революционное движение; церковная нетерпимость к другим вероисповеданиям. Писатель был гостем настоятеля архимандрита Леонида Каверина, имевшего репутацию просвещенного и влиятельного богослова. Последний приветливо встретил великого правдоискателя. Но скоро стало ясно, что общего языка нет и не будет. Еще свежи были впечатления от только что закончившейся русско-турецкой войны. Толстой отказывался понимать доводы церкви в пользу ее. Ведь любое убийство противоречит христианской проповеди любви; так почему же церковь молится за успехи русского оружия и благословляет его? Далее разговор перешел на политические репрессии в России. Толстой резко спросил, как может духовенство одобрять казни народовольцев. Собеседники разошлись друг с другом и по вопросу веротерпимости. После ухода писателя архимандрит Леонид Каверин вслух сделал вывод, что тот заражен непомерной гордыней и должен плохо кончить. Сам Толстой на следующий день так подытожил свою беседу с церковным владыкой в письме к Н. Страхову: «Я еще больше укрепился в своем убеждении. Волнуюсь, мечусь и борюсь духом и страдаю; но я благодарю Бога за это состояние» [17].

В противоположность Л. Толстому К. Леонтьев никогда не расходился с официальным православием. Но его переезд в Сергиев Посад из Оптиной пустыни вовсе не говорит о том, что перед смертью он хотел припасть к церковным истокам. Этот переезд объясняется прежде всего тем, что тяжело больному Леонтьеву гораздо легче было найти в Сергиевом Посаде (благодаря близости с Москвой) необходимую медицинскую помощь, чем в захолустном Козельске. В письме И. Фуделло (5 сентября 1891 года) он не скрывал, что от будущего ждет мало хорошего: «От Амвросий благословил мне попытаться и в самую Лавру, и в Гефсиманский скит поступить, но по всем наведенным здесь справкам об Лавре и думать нельзя, как по недостатку помещения, так и потому, что наместник терпеть не может допускать в ограду «мирян». Что касается до Гефсимании, то в этом истинно поэтическом и живописном скиту было бы мне очень приятно жить, но люди, заслуживающие полного доверия, предостерегают меня насчет алчности и дурного характера настоятеля от Даниила, который достаточно независим от наместника, чтобы притеснять из расчетов, если вздумает, и т. п.» [18]. Правда, в том же письме Леонтьев высказывается и несколько по-другому: «„По духу“ я ничего, доволен. Троица уже давно была для меня после Оптиной наиболее приятным местом: город мал (я это люблю), кругом лес, близок тот „запах ладана“ и видна та „черная яса“, без которых я уже и жить не могу и которые люблю даже и тогда, когда вижу все несовершенства людей, облеченных в эту ясу и с кадилом в руке» [18]. Итак, человеческие несовершенства привратников не могли умалить в глазах Леонтьева святости церковных врат.

Со временем Леонтьев наверняка вошел бы в атмосферу Троице-Сергиевой лавры. Темпераментный публицист, он в области церковной политики стоял на крайне ортодоксальных позициях. Подчас не страшился быть прямолинейным и

открыто говорил то, что дипломатически сдержанные церковники предпочитали хранить в уме. Один такой случай представился ему как раз в последние дни жизни. 19 октября 1891 года Вл. Соловьев прочел в заседании Московского психологического общества реферат «Об упадке средневекового мирозерцания», основная мысль которого состояла в том, что как своим нравственным, так и социальным прогрессом человечество обязано прежде всего атеизму. Леонтьева возмутило, что подобная дерзость не получила отпора со стороны церкви. Он специально собирался обратиться к ректору духовной Академии о. Антонию Храповицкому, правда, без большой надежды, ибо о. Антоний Храповицкий имел репутацию либерала и даже демократа. Суть своего обращения он изложил в письме к А. Александрову (31 октября 1891 года): «Я предлагаю такого рода план: сперва добиться, чтобы духовенство возвысило голос — тогда для недоумевающих все будет ясно и авторитетно. Потом, когда этого добьемся, употребить все усилия, чтобы Вл. Соловьева выслали (навсегда или до публичного покаяния) за границу. Государство православное не имеет права все переносить молча! И, наконец, по высылке, сделать секретное цензурное распоряжение такого рода: его книг не выпускать, но если кто вздумает писать о Вл. Соловьеве, то можно, но подвергать, по исключению, предварительной цензуре даже и назначенное для бесцензурных изданий: опровержения, нападки — хорошо, защита — нельзя» [18, с. 603, 604]. Следовательно, Леонтьев собирался поступить с Соловьевым точно так же, как впоследствии большевики поступили с Н. Бердяевым.

Приведенные высказывания русских писателей — красноречивое свидетельство того, что к концу прошлого века духовный авторитет Троице-Сергиевой лавры упал. Старинная обитель превратилась в оплот православного догматизма. Подлинно живая жизнь протекала помимо нее. Поток паломников, однако, не иссякал. Причину поясняет В. Розанов: «Не за одним только „спасением души“, какового можно достигнуть и дома, но и за красотой и благолепием идет за тысячу верст какой-нибудь мужик с котомкой в Печерскую лавру, в Троицкую лавру, непременно богатую, блистающую, многоглавую, даже если возможно роскошную и утопающую в архитектурной, и певческой, и богослужебной красоте!» [19]. Этот мужик искал земной рай; но потому-то и путешествие «к Троице» уже не казалось ему чем-то исключительным в ряду прочих «хождений по святым местам». Даже у А. Н. Островского — поэта замоскворецкого купечества — Троице-Сергиева лавра упоминается лишь однажды, и то в ранней комедии «Свои люди — сочтемся». Более поздние святители — Тихон Задонский, Серафим Саровский — были народу и ближе, и понятнее, чем легендарный Сергей Радонежский, слишком вневременный и далекий от «суеты повседневного». Он постепенно растворялся в «тумане истории».

Новый XX век был беспощаден; он жестоко прошелся по человеческим судьбам. Одной из его самых трагических жертв стал В. Розанов, искавший именно, вблизи Троице-Сергиевой лавры приюта и спасения. Грандиозные события русской революции он воспринимал как конец христианской эры. Розанов писал: «В европейском (всём — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливаются все: троны, классы, сословия, труд, богатство. Все гибнут, всё гибнет» [20]. Эти слова были продиктованы еще и тем, что очень скоро выяснилось: в Сергиевом Посаде он был нежеланным гостем. «Люди лунного света» не простили беглому писателю былых едких инвектив. Руки помощи этот гениальный «юридический русский литературы» так и не дождался. Около церковных стен он подбирал окурки. Не удивительно, что в «Апокалипсисе нашего времени» не нашлось места для Троице-Сергиевой лавры; у Розанова она как-то не связывалась с судьбой России, любимой им «до истязания души».

Великую империю постиг грандиозный катаклизм. Россия вновь вступила в полосу смуты. Вероятно, в противоречиях того времени можно разобраться, только не забыв, что где-то на стыке веков незаметно начался процесс культурного возврата к допетровской Руси. Архитекторы обратились к шедеврам древнерусского зодчества; их постройки копировали (пусть не всегда удачно) старинные формы. Впервые русская икона стала восприниматься как высокое искусство; ранее интерес к ней не выходил за пределы узких околочерковных кругов. Прославленная «Троица» Андрея Рублева в 1918 году была расчищена от поздних записей и обрела тот вид, который известен нам ныне. Лишь с этого времени творчество Рублева по-настоящему вошло в духовный мир русского человека. Статья Флоренского, ставшая истоком данного исторического экскурса, как бы подвела первый итог всему накопившемуся. «Миф Троицы» вновь стал злободневным, ибо казалось, что Россия отброшена на много веков назад и ей вновь предстоит создавать свою государственность. Перед глазами царил разгул революционного вандализма. Эпоха индустриализации потребовала расчистить площадку для грандиозной стройки. В жертву задачам текущего дня (как их понимали большевистские вожди) было принесено слишком многое; тоскующему взгляду все чаще встречалась «мерзость запустения» на месте былой красоты.

Взволнованным свидетелем всего этого был М. Пришвин, осевший в Сергиевом Посаде после революции. На его глазах закрывались церкви, трапезную XVI века переделывали под заводик, с колокольни обезлюдившей Лавры снимали на переплавку старинные колокола. Перед зрелищем жестоких опустошений писатель все тверже отстаивал свою нравственную позицию. Словом он проповедовал добро, любовь ко всему живому, единение с родной природой. Именно так Пришвин стремился преодолеть свое расхождение с эпохой «великого перелома». 18 июля 1930 года он записал в дневнике: «Мне хочется добраться до таких ценностей, которые стоят вне фашизма и коммунизма, с высоты этих ценностей, из которых складывается творческая мысль, я стараюсь разглядеть путь коммунизма и, где только возможно, указать на творчество, потому что если даже коммунизм есть организация зла, то есть же где-то, наверно, в этом зле проток и к добру: непременно же в процессе творчества зло переходит в добро» [21]. Налицо явно компромисс с коммунизмом. Но не привел ли этот компромисс к возрождению «мифа Троицы» в гораздо большей степени, чем усилия церковных иерархов сосуществовать с большевистской властью?

Нынешняя российская смута несмотря на ощутимые тяготы бытия все же представляется гораздо менее страшной, чем то, что России уже пришлось пережить в двадцатом веке. Разрушительный энтузиазм, к счастью, ограничился низвержением памятников Дзержинскому и Свердлову в центре Москвы. Зато превратившийся в незаметное сельцо Радонеж украсился памятником Сергию Радонежскому. Когда на телевизионном экране видишь лидеров соперничающих политических партий, смиренно стоящих со свечами рядом друг с другом, облегченно думаешь, что эпоха иконоборчества в России наконец-то закончилась. Не связано ли возрождение «мифа Троицы» с тем, что миф этот снова стал мифом государственным?

Действительно, «миф Троицы» неразрывно связан с идеей русской государственности. Он незаметно удаляется на периферию сознания, когда эта идея не ставится под сомнение. Но он обретает новую жизнь в эпоху национальных кризисов. Это имело место и в XIV веке, и в период Смутного времени, и при Петре I, и в XX веке. Наше сегодня также в этом ряду. Подобная прерывистость во времени представляет одновременно и силу, и слабость «мифа Троицы». Однажды прозвучав, он неизбежно вновь затухнет; на первый план опять обязательно выйдут малопривлекательные стороны церковного бытия, которые отнимут у легенды ее общенациональную ауру. Так будет еще не раз. Каждое поколение на своем собственном опыте убеждается, что до конца истории пока что далеко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоренский П. А.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 1919.
2. *Ключевский В. О.* Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // *Ключевский В. О.* Литературные портреты. М., 1990. С. 64.
3. *Борисов Н. С.* И свеча бы не угасла. М., 1990.
4. *Аверинцев С. С.* Красота как святость // Курьер ЮНЕСКО. 1988. Июль.
5. *Кучкин В. А.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. 1988. Вып. 37.
6. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С. 535.
7. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 295, 296.
8. *Гачев Г. Д.* Национальные образы Бога // Независимая газета. 1995. 21 ноября.
9. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф — имя — культура // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 70.
10. *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности. Ст. 1. Наследие великой державы // Новый мир. 1988. № 7.
11. *Громов М. Н.* Максим Грек. М., 1983.
12. *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 310.
13. *Сушкова Е. А.* Из «Записок» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 91.
14. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни. М., 1990. С. 518.
15. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. Т. 10. М., 1989. С. 76.
16. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. Т. 21. М., 1985. С. 154, 155.
17. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914. С. 234.
18. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. СПб., 1993. С. 593.
19. *Розанов В. В.* Около церковных стен. М., 1995. С. 112.
20. *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994. С. 413.
21. *Пришвин М. М.* Мирская чаша. М., 1990. С. 141.